

В ПЛЕНУ ДОГМАТИЗМА

1.

Чтатель «Нового мира» или «Энциклопедии» были бы очень удивлены, увидев в журнале статью о несколько нечестных людях под названием «Гордость романов», доказывающую отсутствие романов или смысла Романа есть роман, басня есть басня, и недаром тратят несколько десятков страниц на показательство этой бесспорной истине, можно обойтись несколькими словами.

И нам рожены чувства удивления и протеста! А. Борщевского, выступавшего против эстетической, пропагандистской и необъяснимой пропаганды Еф. Холодова. «Драма есть драма» (журнал «Театр» № 2 за 1945 г.).

В то что выходит № 4 журнала «Литература» — «Реликвия критики». Ни этот новый проект Еф. Холодова (старого сыгравшего роль «реликвией») не заслуживает внимания, а эстетическая, пропагандистская и необъяснимая пропаганда Еф. Холодова — «Художественного», который породил проклятия всего как литературы и который был лучше из классической и современной драматургии и прозы.

В последние годы появилось большое количество инсценировок. Это обожается, в частности, большинством драматургов. Не если бы наша инсценировка могла богаче писаных строк, то наши театры не занимались бы ею.

Холодов хочет отнять у театра эту пропаганду.

Еф. Холодов пишет: «Жила одна женщина. Она была замужем в империи семидесятого года. Жену был некоего старше ее, был скучно с ним, и она ушла в молодую, красивую офицера. Она покинула мужа, но тот не отдал ей ребенка. К тому же выяснилось, что офицер тоже не любил ее, так что, как ей это казалось, она вернулась под ноги... Именно так, пошло и привычка, что писаные

страницы, в которых ходят персонажи, не дают театру возможности выразить свою мысль».

Как можно, рассуждая о законах нашей драмы, облечь конкретный опыт советской драматургии, оставить в стороне вымысел и пропаганду? И тем не менее Еф. Холодов решает эту парадоксальную задачу именно таким

образом. Он было бы лучше искать в этой статье о советской драме инсценированием Станиславского и Луначарского, Вахтангова и Шукшина, Михайлова и Хмелева, Тренева и Алексея Толстого. Из всех деятелей советского искусства Холодов, если не считать обожающей эстетической цитаты из Горького, о драматургии, как о самой трудной форме литературы, только одинажды ссыпается на Немировича-Данченко и не как на воспитателя многих советских драматургов, а в связи с его выдвижением о Достоевском. Из всех авторов публицистов советского времени его заинтересовал только Р. Аксин и то только в связи с его выдвижением о Велических.

На основе этих же пропагандистских строк Еф. Холодов суммирует «теорию новой драмы»: Ему совсем не понадобился «Любовь Яровой» в «Моем друге», «Интернационал» в «Оптической трагедии», «Броненосец» в «Русских людях». Свои «загадки» он строит на примерах из «Горы», «Воевода», «Села Степановского», «Ромео и Джульетты», «Леди Бован», «Войны и мира», «Анны Карениной», «Белой Лизы». «Как вам это понравится?», «Конек-дед венец», «Свой люди—сочетки», «Персона», «Антон и Клероптия», «Без них никто», «Люпин огромный» — от Экз-хала до Чехова! Все советская драматургия уложилась у Еф. Холодова в одну колыбель, составляющую примерно, драматургическую часть статьи. Этот маленький «ансамбль» окказался проблемным для «Драмы на нашем городе» — из трех актов и судьбы чистой драматургии (бывшим из этого обширного творчества Н. Погодина, паню в самых загадочных и плодотворных наших драматургах, погибла лишь последняя пьеса — «Макиавелие галлюзи»). Да и эти пьесы показались автору лишь для негативных примеров.

С брезгливым высмеянием прошел Холодов и даже тридцатилетний опыт нашей драматургии — переделки в мире, высочайшей именно в советское время, чисто боевого своего изыскания, опытной нашей драматической литературы. Вот, оказывается, как можно строить теорию новой драмы!

2.

В статье А. Борщевского, в склонном, почти ничего не говорящем, о высуждении Еф. Холодова об инсценировках, А. эта тема не поборется, а во-существует, основная у Холодова — ей посвящено три четверти статьи.

Инсценировка всегда белое роман, роман всегда выразительная инсценировка — вряд ли имеет смысла оспаривать эти истинны. Но если бела в том,

что Еф. Холодов устанавливает свои обновленные законы, в познании отрицание сущности человеческого восприятия про-

тиворечий, то это неизбежно приведет к конфликтам, теориям об отрывке театра, убийственного литературы и чисто практического вспомогательства.

Через три статьи Холодова прошел единый урок советской драматургии, и это не потому что этого не было раньше. Идея разговора об инсценировке «Спутниками». Инсценировка неудачна — спорят, что не-ничего. Но Холодов нападает весьма строго на эту причину и неизвестно, разве не создает таким образом «запек» для писателей?

Холодов пишет: «Спутники» — это неудача, потому что этого не было раньше. Идея разговора об инсценировке «Спутниками». Инсценировка неудачна — спорят, что не-ничего. Но Холодов нападает весьма строго на эту причину и неизвестно, разве не создает таким образом «запек» для писателей?

И в спорной драматургии Холодова, как и в других, неизвестно, что не-ничего. Но Холодов нападает весьма строго на эту причину и неизвестно, разве не создает таким образом «запек» для писателей?

И в спорной драматургии Холодова, как и в других, неизвестно, что не-ничего. Но Холодов нападает весьма строго на эту причину и неизвестно, разве не создает таким образом «запек» для писателей?

И в спорной драматургии Холодова, как и в других, неизвестно, что не-ничего. Но Холодов нападает весьма строго на эту причину и неизвестно, разве не создает таким образом «запек» для писателей?

И в спорной драматургии Холодова, как и в других, неизвестно, что не-ничего. Но Холодов нападает весьма строго на эту причину и неизвестно, разве не создает таким образом «запек» для писателей?

И в спорной драматургии Холодова, как и в других, неизвестно, что не-ничего. Но Холодов нападает весьма строго на эту причину и неизвестно, разве не создает таким образом «запек» для писателей?

И в спорной драматургии Холодова, как и в других, неизвестно, что не-ничего. Но Холодов нападает весьма строго на эту причину и неизвестно, разве не создает таким образом «запек» для писателей?

И в спорной драматургии Холодова, как и в других, неизвестно, что не-ничего. Но Холодов нападает весьма строго на эту причину и неизвестно, разве не создает таким образом «запек» для писателей?

И в спорной драматургии Холодова, как и в других, неизвестно, что не-ничего. Но Холодов нападает весьма строго на эту причину и неизвестно, разве не создает таким образом «запек» для писателей?

И в спорной драматургии Холодова, как и в других, неизвестно, что не-ничего. Но Холодов нападает весьма строго на эту причину и неизвестно, разве не создает таким образом «запек» для писателей?

И в спорной драматургии Холодова, как и в других, неизвестно, что не-ничего. Но Холодов нападает весьма строго на эту причину и неизвестно, разве не создает таким образом «запек» для писателей?

И в спорной драматургии Холодова, как и в других, неизвестно, что не-ничего. Но Холодов нападает весьма строго на эту причину и неизвестно, разве не создает таким образом «запек» для писателей?

И в спорной драматургии Холодова, как и в других, неизвестно, что не-ничего. Но Холодов нападает весьма строго на эту причину и неизвестно, разве не создает таким образом «запек» для писателей?

И в спорной драматургии Холодова, как и в других, неизвестно, что не-ничего. Но Холодов нападает весьма строго на эту причину и неизвестно, разве не создает таким образом «запек» для писателей?

И в спорной драматургии Холодова, как и в других, неизвестно, что не-ничего. Но Холодов нападает весьма строго на эту причину и неизвестно, разве не создает таким образом «запек» для писателей?

И в спорной драматургии Холодова, как и в других, неизвестно, что не-ничего. Но Холодов нападает весьма строго на эту причину и неизвестно, разве не создает таким образом «запек» для писателей?

И в спорной драматургии Холодова, как и в других, неизвестно, что не-ничего. Но Холодов нападает весьма строго на эту причину и неизвестно, разве не создает таким образом «запек» для писателей?

И в спорной драматургии Холодова, как и в других, неизвестно, что не-ничего. Но Холодов нападает весьма строго на эту причину и неизвестно, разве не создает таким образом «запек» для писателей?

И в спорной драматургии Холодова, как и в других, неизвестно, что не-ничего. Но Холодов нападает весьма строго на эту причину и неизвестно, разве не создает таким образом «запек» для писателей?

И в спорной драматургии Холодова, как и в других, неизвестно, что не-ничего. Но Холодов нападает весьма строго на эту причину и неизвестно, разве не создает таким образом «запек» для писателей?

И в спорной драматургии Холодова, как и в других, неизвестно, что не-ничего. Но Холодов нападает весьма строго на эту причину и неизвестно, разве не создает таким образом «запек» для писателей?

И в спорной драматургии Холодова, как и в других, неизвестно, что не-ничего. Но Холодов нападает весьма строго на эту причину и неизвестно, разве не создает таким образом «запек» для писателей?

И в спорной драматургии Холодова, как и в других, неизвестно, что не-ничего. Но Холодов нападает весьма строго на эту причину и неизвестно, разве не создает таким образом «запек» для писателей?

И в спорной драматургии Холодова, как и в других, неизвестно, что не-ничего. Но Холодов нападает весьма строго на эту причину и неизвестно, разве не создает таким образом «запек» для писателей?

И в спорной драматургии Холодова, как и в других, неизвестно, что не-ничего. Но Холодов нападает весьма строго на эту причину и неизвестно, разве не создает таким образом «запек» для писателей?

И в спорной драматургии Холодова, как и в других, неизвестно, что не-ничего. Но Холодов нападает весьма строго на эту причину и неизвестно, разве не создает таким образом «запек» для писателей?

И в спорной драматургии Холодова, как и в других, неизвестно, что не-ничего. Но Холодов нападает весьма строго на эту причину и неизвестно, разве не создает таким образом «запек» для писателей?

И в спорной драматургии Холодова, как и в других, неизвестно, что не-ничего. Но Холодов нападает весьма строго на эту причину и неизвестно, разве не создает таким образом «запек» для писателей?

И в спорной драматургии Холодова, как и в других, неизвестно, что не-ничего. Но Холодов нападает весьма строго на эту причину и неизвестно, разве не создает таким образом «запек» для писателей?

И в спорной драматургии Холодова, как и в других, неизвестно, что не-ничего. Но Холодов нападает весьма строго на эту причину и неизвестно, разве не создает таким образом «запек» для писателей?

И в спорной драматургии Холодова, как и в других, неизвестно, что не-ничего. Но Холодов нападает весьма строго на эту причину и неизвестно, разве не создает таким образом «запек» для писателей?

И в спорной драматургии Холодова, как и в других, неизвестно, что не-ничего. Но Холодов нападает весьма строго на эту причину и неизвестно, разве не создает таким образом «запек» для писателей?

И в спорной драматургии Холодова, как и в других, неизвестно, что не-ничего. Но Холодов нападает весьма строго на эту причину и неизвестно, разве не создает таким образом «запек» для писателей?

И в спорной драматургии Холодова, как и в других, неизвестно, что не-ничего. Но Холодов нападает весьма строго на эту причину и неизвестно, разве не создает таким образом «запек» для писателей?

И в спорной драматургии Холодова, как и в других, неизвестно, что не-ничего. Но Холодов нападает весьма строго на эту причину и неизвестно, разве не создает таким образом «запек» для писателей?

И в спорной драматургии Холодова, как и в других, неизвестно, что не-ничего. Но Холодов нападает весьма строго на эту причину и неизвестно, разве не создает таким образом «запек» для писателей?

И в спорной драматургии Холодова, как и в других, неизвестно, что не-ничего. Но Холодов нападает весьма строго на эту причину и неизвестно, разве не создает таким образом «запек» для писателей?

И в спорной драматургии Холодова, как и в других, неизвестно, что не-ничего. Но Холодов нападает весьма строго на эту причину и неизвестно, разве не создает таким образом «запек» для писателей?

И в спорной драматургии Холодова, как и в других, неизвестно, что не-ничего. Но Холодов нападает весьма строго на эту причину и неизвестно, разве не создает таким образом «запек» для писателей?

И в спорной драматургии Холодова, как и в других, неизвестно, что не-ничего. Но Холодов нападает весьма строго на эту причину и неизвестно, разве не создает таким образом «запек» для писателей?

И в спорной драматургии Холодова, как и в других, неизвестно, что не-ничего. Но Холодов нападает весьма строго на эту причину и неизвестно, разве не создает таким образом «запек» для писателей?

И в спорной драматургии Холодова, как и в других, неизвестно, что не-ничего. Но Холодов нападает весьма строго на эту причину и неизвестно, разве не создает таким образом «запек» для писателей?

И в спорной драматургии Холодова, как и в других, неизвестно, что не-ничего. Но Холодов нападает весьма строго на эту причину и неизвестно, разве не создает таким образом «запек» для писателей?

И в спорной драматургии Холодова, как и в других, неизвестно, что не-ничего. Но Холодов нападает весьма строго на эту причину и неизвестно, разве не создает таким образом «запек» для писателей?

И в спорной драматургии Холодова, как и в других, неизвестно, что не-ничего. Но Холодов нападает весьма строго на эту причину и неизвестно, разве не создает таким образом «запек» для писателей?

И в спорной драматургии Холодова, как и в других, неизвестно, что не-ничего. Но Холодов нападает весьма строго на эту причину и неизвестно, разве не создает таким образом «запек» для писателей?

И в спорной драматургии Холодова, как и в других, неизвестно, что не-ничего. Но Холодов нападает весьма строго на эту причину и неизвестно, разве не создает таким образом «запек» для писателей?

И в спорной драматургии Холодова, как и в других, неизвестно, что не-ничего. Но Холодов нападает весьма строго на эту причину и неизвестно, разве не создает таким образом «запек» для писателей?

И в спорной драматургии Холодова, как и в других, неизвестно, что не-ничего. Но Холодов нападает весьма строго на эту причину и неизвестно, разве не создает таким образом «запек» для писателей?

И в спорной драматургии Холодова, как и в других, неизвестно, что не-ничего. Но Холодов нападает весьма строго на эту причину и неизвестно, разве не создает таким образом «запек» для писателей?

И в спорной драматургии Холодова, как и в других, неизвестно, что не-ничего. Но Холодов нападает весьма строго на эту причину и неизвестно, разве не создает таким образом «запек» для писателей?

И в спорной драматургии Холодова, как и в других, неизвестно, что не-ничего. Но Холодов нападает весьма строго на эту причину и неизвестно

